

РОЗДУМИ НАД КНИГОЮ

ЛОБАНОВА А.С.

КАКОЙ ЖЕ КАПИТАЛИЗМ МЫ СТРОИМ В НАШЕМ ДОМЕ?

Рецензия на издание

Суименко Е.И. Капитализм в нашем доме. Взгляд сквозь призму теории и социальной эмпирии / Е.И. Суименко. – К. : Институт социологии НАН Украины, 2007. – 512 с.

*Истина не перестаёт быть истиной,
даже если она не признаётся большинством.*
Е.И. Суименко

Распад Советского Союза и последовавшие за ним социально-экономические перемены на постсоветском пространстве, в частности в Украине, поставили перед общественностью и, конечно, научным сообществом ряд теоретических и практических вопросов, решение которых требует колоссальных усилий всего общества. Для научного сообщества важным является, прежде всего, поиск ответа на вопрос о сущности перемен, диалектике стихийного и сознательного в этих переменах. Это также вопрос об их текущем историческом направлении, целеустремлённости и спонтанных поворотах. Одним словом, это вопрос: куда идёт Украина? Если же подойти к нему с точки зрения возможности управления общественными процессами, то этот вопрос может звучать несколько по-иному, а именно: куда же идти Украине?

Может, идти по известному, уже пройденному западноевропейскими государствами пути? Но есть ли гарантия, что этот путь вообще приемлем для украинского общества первой половины XXI в.? Может, искать совершенно новые направления и модели, избегая старых ошибок и отрицательного опыта других стран, которые раньше Украины стали на путь трансформации?

И что же делать дальше с тем социокультурным и ментальным наследием, которое всё ещё довольно сильно ощущается в обществе после десятилетий советской власти?

Вопросов, конечно, больше, чем ответов. Стоит заметить, что лишь немногие украинские учёные взяли на себя смелость в своих работах проанализировать социально-экономические процессы, произошедшие в Украине за последние 20 лет, чтобы попытаться выяснить, какие же дальнейшие перспективы и возможности развития украинского общества, какой путь и какая модель общественного развития является самой оптимальной и плодотворной.

Одной из наиболее интересных работ, по-нашему мнению, является книга *“Капитализм в нашем доме. Взгляд сквозь призму теории и*

социальной эмпирии” – итог многолетних научных поисков и раздумий известного украинского учёного, профессора Евгения Ивановича Суименко. Следует отметить, что книга написана безупречным научным языком, она отличается глубиной и обоснованностью научных суждений, привлекает безукоризненной профессиональной лексикой. Вместе с тем, некоторые научные идеи и положения, высказанные учёным, ведут к дискуссии, поскольку вызывают сомнения и требуют своего уточнения.

В первой главе **“Общественно-исторический процесс: методологические и теоретические основания нового видения”** методологические предпосылки марксистской социологии Е. Суименко дополняет теорией социального механизма действия объективных общественных закономерностей, тем самым обогащает её понятийный аппарат, расширяет границы понимания человеческого субстрата социально-экономических отношений, раскрывает содержание индивидуативного и социативного способов материально-производственной жизнедеятельности людей и в новой интерпретации проясняет логику действия известного марксистского закона соответствия производственных отношений состоянию производительных сил общества.

Научная доказательность актуальности диалектической методологии начинается с попытки соединить воедино знания о социальных закономерностях со знаниями механизма их действия. Заметим, что современные социологи постоянно апеллируют к понятию социальный механизм, рассматривая его как одно из базовых в социологической науке, при этом ограничиваясь, как правило, такими его составляющими, как субъект действия, цель, ценности, нормы, действие, связи, способы и процедурный процесс. Однако Е. Суименко пытается объяснить сущность механизма социального процесса не только через такие категории материалистической диалектики, как *связь и движение*, но и через понятие *“энергия истории”*, которое он вводит в научный оборот, рассматривая её как *“совокупность физических движений составляющих систему общества её человеческих и вещественных элементов, которая при помощи вербальных и знаково-символических форм полицентрической социетальной психики (социального интеллекта и политической спонтанной воли) в конечном счете, приводит к определённому целезаданному или непредвиденному социальному результату (изменениям)”*. По его мнению, один из законов общественного развития состоит в том, что логика и энергия истории неразрывно связаны между собой, более того, они как две противоположные составляющие исторического процесса, одновременно находятся по отношению друг к другу в обратно пропорциональной зависимости: *“Чем меньше логики (формальной определенности) в общественной жизни, тем больше в ней энергии её субъектов-индивидов, и, наоборот, чем больше логики, тем меньше энергии (и тем больше эта “малая” энергия является оптимальной и упорядоченной)”*. При этом главной составляющей энергии

истории является не просто физическая мускульная работа отдельных индивидов, а деятельность, человеческий труд, общественное движение, социальная активность, социальное действие, коллективное творчество, которые осуществляются взаимодействующими субъектами на различных уровнях общества как системного образования. В такой интерпретации учёный видит диалектическую взаимосвязь между ролью субъективного фактора (человеческая энергия поисков и решений) и алгоритмом функционирования и развития общества. То есть К. Маркс и Ф. Энгельс осуществили только первый шаг диалектического движения от конкретно-чувственного к односторонне-абстрактному, иначе говоря выявили *логику истории*, а Е. Суименко попытался связать её воедино с *энергией истории*, обосновал конкретно-понятийное содержание деятельностных механизмов закономерных общественных процессов.

Развитие теории социальных механизмов, предложенное Е. Суименко, выглядит целесообразным, а вот Закон о соответствии энергии и логики выглядит скорее произвольным, чем обоснованным. Не совсем определённо просматривается сущность понятия “энергия”, а предложенная учёным его трактовка “выпадает” из чёткой логики категорий Гегеля-Маркса, она скорее приближается к идее пассионарности Л. Гумилёва. Почему, например, логичный, а значит, закономерный общественный процесс не может быть подкреплён соответствующим объёмом человеческой энергии? Разве все революции и масштабные общественные движения (проявление энергии) были абсурдными, то есть лишёнными логики? Не противоречит ли предложенный Е. Суименко закон учению К. Маркса об общественно-исторических закономерностях и социальной революции как проявлению этих глубинных экономических закономерностей.

Свою уверенность в том, что открытость теории и методологии марксизма позволяет ей не “враждовать с другими научными подходами и воззрениями, примирять их между собой путём определения их предметных компетенций и сведения к ансамблю взаимодополняющих познавательных односторонностей и создавать *внутри себя* широкое пространство для критического и полемического полилога”, Е. Суименко подтверждает путём “переосмысления марксизма” в сфере реальных взаимодействий индивидов. Он обосновывает многообразие *единодвойственной* природы человеческого индивидуума (что осталось вне поля зрения марксизма), которое выражается в наличии *устойчивых контрпарных признаков*: природно-биологического и социально-культурного начал; социально-типических признаков, репрезентирующих общее и уникальное человеческое единичное; внутреннего (духовное, психологическое) и внешнего (предметное, овеществлённое), эндогенное, интровертное и экзогенное, экстравертное; существование *для себя* и существование *для других* (человек как *самоцель* и человек как *средство* для самоосуществления других людей); человека как *субъекта* (актор, деятель) и человека как *объекта*; активности и пассивности; обособления

и единения, индивидуализма и коллективизма. Это многообразие единой двойственных характеристик человеческой деятельности в общественно-историческом процессе выступает в качестве его конкретных механизмов, поскольку каждый из противоположных признаков “может быть востребован в одну историческую эпоху и не востребован в другую, в одной исторической полосе времени играть прогрессивную роль, а в другой – регрессивную”. Помимо этого, в силу системной связи и системного единства всех выделенных контрпар, одни обнаруживают единый, объединяющий их смысловой стержень, внутреннее родство, точно также как другие, противоположные первым по каждой их контрпар, выстраиваются в единую сквозную линию однородных признаков: в первую линию вписываются биологические начала человека, во вторую – социокультурные. Предложенные Е. Суименко контрпары не достаточно систематизированы. Парность как закономерность, по большому счету, является произвольным тезисом. Ведь человеческая деятельность настолько многообразна, что может характеризоваться не только контрпарами, но и триадами, квадратами.

Как же функционирует деятельностный механизм развития общества? По мнению учёного, он может быть адекватным или неадекватным

объективным императивам истории. Причём адекватным новым общественным закономерностям он может быть лишь тогда, когда исчерпывается его соответствие закономерностям и тенденциям существующего общественного строя, и тогда он объективно направляется на его разрушение и поиски тех алгоритмов жизнедеятельности, признаки которых уже обозначились в историческом процессе. “Если такой механизм ещё не сложился в системе прежнего общественного строя, то, по мнению Е. Суименко, действие законов и тенденций формирования нового будут иметь рассеянный, турбулентный характер с постоянной угрозой инволюций и попятных движений”. Неадекватность же этого механизма появившейся закономерности усиливает стохастический разброс в её действии, создаёт различного рода дисгармонии, приводит к умножению точек бифуркаций и замедлению исторического процесса. Поскольку учёный активно использует категориальный аппарат синергетики (общенаучной методологии, основанной на междисциплинарном, комплексном подходе к изучению социальной реальности), то, безусловно, это раскрывает новые эвристические возможности марксистской социологии, поскольку означает внесение множества поправок к детерминистским формулам зависимости надстройки от базиса, производственных отношений от характера и уровня развития производительных сил, а также их циклического движения от “соответствия” к разрешению противоречий. Более того, учёт отдельных конкретных свойств и признаков этих механизмов обеспечивает адекватный их выбор при анализе социальных процессов в рамках

определённого типа производственных отношений или специфических состояний общества.

Возникает вопрос: в чём же состоит специфика социальных механизмов действия применительно к капитализму? В работе даётся ответ: “Социальные механизмы действия специфических законов функционирования и развития капитализма, с одной стороны, структурируются на основе всех многомерных единодвойственных качеств (начал) индивидуальной жизни человека, с другой – имеют явно доминирующие качества, каковыми являются: взаимная обособленность, примат “осоциального” биологического, индивидуальная активность и экзогенная её направленность”. Е. Суименко убеждён, что понять социальную природу и капитализма, и социализма, и прокоммунистических обществ возможно только на основе фундаментальных начал, которые “конституируются из органических свойств взаимодействия индивидов – обособления и единения, дискретности и континуальности”. Именно в этом выводе и заключается новизна прочтения им марксизма, позволяющая вскрыть механизмы функционирования законов общественно-экономических формаций, и прежде всего капиталистической.

Далее Е. Суименко анализирует *индивидуацию* и *социацию* как важнейшие механообразующие признаки закономерных процессов производства и воспроизводства жизни людей, которые в определённой мере компенсируют отсутствие личностного (деятельного) механизма материально-производственного процесса в социологической его интерпретации. Он обосновывает мысль о том, что “социативный способ решения жизненных проблем направлен на их самовыживание или, точнее, на *элементарное обеспечение их материального существования*”, в то время, когда индивидуальный – *на экономическое преуспевание, максимум достижений*”. Кроме этого небезосновательно высказывает предположение о том, что социация и индивидуация как противоположные и взаимополагающие алгоритмы человеческой истории лежат в основе её циклического характера.

Таким образом, под углом зрения адекватности деятельностного механизма объективной общественной закономерности учёный пытается более пристально взглянуть на некоторые стороны и моменты тех положений К. Маркса, которые воспринимаются либо в их половинчатом, либо в недосказанном виде. Это, прежде всего, социологическое прочтение положения К. Маркса об органическом строении капитала, о возможных обобщающих выводах и вытекающих из него долгосрочных прогнозах, положения о том, что на самом деле является главным противоречием капитализма и роли “человеческого фактора” в разрешении этого главного противоречия.

Е. Суименко, углубленно анализируя марксистское понимание закона соответствия производительных сил состоянию производственных отношений и основного противоречия капитализма между общественным

характером производства и частнособственнической формой присвоения его результатов, экстраполируя его на особенности развития капитализма во второй половине XX в., раскрывает незавершённые грани марксовской теории органического строения капитала.

В результате *вердикт марксизму* звучит так: “Революционизирующее значение и суть главного противоречия, лишь в самых общих и схематичных чертах схваченные Марксом и недосказанные им в теоретически завершённом виде, составляют, в известном смысле, тайну органического строения капитала. Маркс, разумеется, не мог предвидеть конкретно-исторического финала капиталистического способа производства, в частности – адаптационных возможностей капитализма и того противоречия его сущности, которое обнаружилось в завершающей фазе его развития и смутный образ которого просматривался в тенденции понижения переменного капитала в его органическом строении”. Тем не менее, доводы автора свидетельствуют о том, что именно из логической схемы этого строения и самой исторической практики, в которой они обнаруживаются, вытекает вывод о “противоречии между принципиально новым, подготовленным целым рядом научно-технических и технологических революций уровнем современных производительных сил и товарными отношениями как *противоречии сущности капитализма*”. А поскольку исторические обстоятельства “принуждают капитализм быть человеческим”, постольку он стремится упразднить частнособственнический способ производства и заменить его “адекватным новым производительным силам интегрировавшегося человечества способом”. Закон же разрешения общественно-исторического противоречия способен действовать лишь тогда, когда он распространяется на человеческий фактор, то есть на действие самого механизма этого разрешения. Раскрытие “тайны органического строения капитала Карла Маркса”, предложенное Е. Суименко звучит аргументировано. Однако целый ряд положений, приписываемый автором капитализму, на самом деле является качествами, которые характерны для любого современного общества, независимо от отношений собственности. Нет ли здесь опасности возврата к экономическому редукционизму, казалось бы, раз и навсегда преодолённому?

Во *второй главе “Капитализм: начало и конец истории”* Е. Суименко анализирует капитализм в современной концептуальной картине общественно-исторического процесса; раскрывает особенности глобализма, антиглобализма и альтерглобализма; обосновывает эсхатологию экономического кризиса и рассматривает социализм как дивергенцию и самоотрицание капитализма.

Вне всякого сомнения, капитализм является одним из самых дискуссионных предметов научных исследований современности, поскольку каждый новый этап его развития привносит в понимание его сущности определённые коррективы, что требует совершенствования его познавательного инструментария. Не случайно учёный углубленно

анализирует существующие концепции капитализма. Осуществив их сравнительный анализ в свете многофакторного или поликаузального подхода, свойственного как технолого-детерминистской (Р. Арон, Д. Белл, П. Беккер, Д. Гэлбрейт, П. Друкер, Р. Дарендорф, Р. Инглегарт, Л. Эдвинссон, М. Мелоун, Р. Райх, Т. Сакайя, Ф. Фукуяма и др.), так и культурологической (М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Тённис, А. Тойнби и др.) методологиям, акцентируя внимание на теории экономического либерализма К. Поланьи и эссенциальном подходе, он приходит к убеждению, что капитализм можно рассматривать в трёх возможных его видах или разнородных состояниях.

Во-первых, как *формационное явление* с точки зрения сторонников историко-материалистического и индустриалистического направлений (в формационных триадах периодизации человеческой истории: доэкономическая, экономическая и постэкономическая формации; доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные общества; премодернистское, модернистское и постмодернистское состояния капитализм занимает промежуточное, второе место). Во-вторых, как *цивилизационное явление*, то есть устойчивое (скорее пространственно-временное, чем историческое) этносоциальное и культурное образование. В-третьих, как “*трансисторическое* (кроссисторическое) образование или *фрагментарное* состояние, когда его существенные признаки или атрибуты появлялись, какое-то время существовали, а затем исчезали в тех или иных регионах мира, чтобы снова появиться в иное время и в иных регионах”.

Раскрыв сущность капитализма в контексте различных научных трактовок (заметим, что подобный анализ сделан впервые в социологической науке), Евгений Иванович пытается найти ответы на ряд непростых вопросов, которые стоят перед мировой теоретической мыслью: в какой доминирующей форме будет происходить в будущем глобализационный процесс и существует ли сегодня реальная альтернатива капиталистической глобализации мира? Победит ли эта альтернатива в самом процессе противоборства капиталистической и социалистической (посткапиталистической) парадигм организации жизнедеятельности мирового сообщества или она станет реально возможной только *после полного завершения процесса капиталистической глобализации*? Способны ли будут альтернативные мировому капитализму силы победить его или капиталистическая глобализация принесёт смерть всему живому?

Для ответа на эти вопросы, он раскрывает сущность ключевых понятий глобализма, антиглобализма и альтерглобализма, изложенные в научных работах Г. Терборна, У. Бека, Дж. Сороса, И. Валлерстайна, Л. Склэйера, М. Саваса, Г. Зюганова, И. Массароша, А. Харламенко, Е. Харламенко, А. Бузгалина, А. Казинцева и других и обозначает следующие взгляды на прогнозные варианты будущего развития человечества.

Допускается множество вариантов некапиталистического пути интеграции мира в целостную систему, исходя как из “признания *гибридных* разновидностей системы капитала” (многие из них способны заявить о себе как об альтернативе капитализму), так и из принципа “единства, основанного на разнообразии”, из признания возможности тех модификаций капитализма, которые перманентно перерождаются в собственные противоположности и тем самым дают начало новой мир-системе. Очевидно, что эти позиции предполагают альтернативные капиталистической глобализации пути и способы организации человеческого общества, что находят своё отражение в антиглобализме.

Антиглобализм, по мнению Е. Суименко, имеет три значения: во-первых, “интерпретируется под культурно-цивилизационным углом зрения и акцентирует момент своеобразия, специфики развития и жизнедеятельности различных регионов мира”; во-вторых, “в качестве стратегического ориентира активной политической деятельности означает всякого рода противодействие капиталистической экспансии правящих держав в сферах мировой экономики, социальной и культурной наций, образа жизни и межгосударственных отношений” и, в-третьих, “как теория и практика активной борьбы с *капиталистической* глобализацией означает противопоставление империалистической экспансии тех принципиально отличающихся от неё форм и способов организации общества, которые, по мнению их инициаторов, способны стать реальной альтернативой капиталистической глобализации”.

Альтерглобализм рассматривается им как конструктивная альтернатива капиталистической глобализации и предполагает “интеграцию стран и народов на принципиально иной социально-экономической и политической основе” – либо на основе социалистического (коммунистического) мироустройства, либо на реанимации и модернизации остатков аграрно-общинных образований, либо на “не вполне прояснившейся теоретической модели посткапитализма (постэкономизма)”. Далее, основываясь на индуктивном, исторически-эмпирическом (а не дедуктивном) методе анализа процесса капиталистической глобализации, Е. Суименко приходит к выводу о том, что существующие альтерглобалистические концепции “сходятся в главном – в предрекаемом капитализму конце его истории и неизбежности появления иных общественно-исторических форм существования человечества”.

Является ли он сам альтерглобалистом? Несомненно, хотя прямо об этом в своей работе не говорит. Однако его прогнозирование последствий экологического кризиса, охватившего всю планету, свидетельствуют об этом. Обращая внимание на непредсказуемость системного эффекта экологической катастрофы, на существование предела перегруза экосистемы и, следовательно, необратимости возникновения в ней деструктивных процессов, анализируя существующие парадигмы, в частности *пределов роста* (устойчивого развития), концепцию социально-экономической альтернативы, учёный разделяет мнение о том, что

основной причиной экологического кризиса является капиталистический способ производства, базовым мотивом которого является прибыль. Поэтому альтернативой ему может быть общество “новых ценностей”, каковой является социалистическая форма жизнедеятельности, которой характерны разумная планомерность, упразднение алогизма “избыточности”, производство вещей и предметов длительного пользования, приоритет духовности в характере деятельности и потребления, а также смена исторического алгоритма жизнедеятельности людей. Ибо в “рамках неизбежных для капитализма дифференциации материального положения классов (групп) и господствующего в обществе принципа индивидуалистического соперничества” эсхатология экологического кризиса не устранима и человечество во “имя сохранения человеческого рода и всего земного... просто будет *вынуждено* обратиться к ... коммунизму, к отказу от частнособственнической практике по той уяснённой, в конце концов, причине, что товарное производство не только терпит индивидуализм, но и культивирует его сверх всякого предела, то есть создаёт социально-экономическую стратификацию общества, неравенство потребления и неравенство пользования”.

Безусловно, автор прав, поскольку равенство и разумность в пользовании экологическими благами возможны только на основе коллективистских принципов жизнедеятельности. Однако есть серьезные сомнения в том, что человечество образумится. И причиной этому являются именно те противоречия в мировом сообществе, которые описывает автор, – державный эгоизм высокоразвитых стран. Люди в богатых странах не готовы отказаться от своих благ ради абстрактного спасения человечества.

Вопрос о путях и формах перехода от капитализма к социализму учёный переосмысливает на основе нетрадиционного, нелинейного подхода и в контексте новых исторических условий. Полемизируя с апологетами “социализированного капитализма” (А. Гальчинский, М. Павловский), “мутантного социализма” (А. Бузгалин), “переходности социализма” (В. Вазюлин), “социализма как формации” (В. Ацюковский, Б. Ермилов), через углубленное обоснование *дивергентного социализма*, Е. Суименко полностью отрицает синтез социализма с капитализмом: “Такой кентавр, по его мнению, смешон и возможен только в больном воображении некоторых социал-демократов”. Вместо этого синтеза он выдвигает *новую идею* о “диалектическом “снятии” капитализма социализмом и с присущей ему научной скрупулезностью обосновывает положение о том, что “снимающую” роль в появлении поскопикапиталистического социализма может сыграть *революционная* (курсив наш – А.Л.) смена частной собственности на общественную, которая (смена) в виде “второй волны” утрачивает остроту, приобретая характер отдельных “точечных ударов” на всех уровнях социально-классового общества”. В работе прослеживается склонность автора к левизне, которая характерна для современной западной социологии. Это видно, например,

по составу руководящих органов международных социологических сообществ, в которых много марксистов, социалистов, неомарксистов, просто левых. Левизна – профессиональная болезнь социологов. Многие авторитетные социологи и их учения являются левыми, к примеру, П. Бурдьё, теория мир-систем И. Валлерстайна и др. Но западные левые не спешат провозглашать будущую смену капитализма социализмом.

Можно полностью согласиться с критикой капитализма, но делать отсюда выводы прогнозного характера, типа его гибели, полагаем, является очередной утопией. Одним из основных аргументов против социализма является не его экономическая платформа общественной собственности, а невозможность его существования исходя из сущности человека. Именно идеализация человека является основной ошибкой новых утопистов. Это скорее даже не идеализация, а абстрагирование от значимости внутренних свойств человека для построения утопичных социальных систем. На этом обжегся, как помним, Р. Оуэн, стараясь воплотить в жизнь идеи социального утопизма. Люди по своим свойствам таковы, что они не в состоянии соответствовать требованиям социализма. Временные успехи в этом плане социализма в бывшем Советском Союзе – это часть масштабного проекта по формированию ложного сознания.

Далее, говоря об обособленности современного человека, Е. Суименко упускает доводы относительно того, как можно с таким человеком строить коллективистские отношения, где возьмется новый человек. Известно, что на Западе делается много для реализации трансформации личности на путях обновления сознания, привлечения восточных эзотерических учений, но эти успехи частичны, они не создают критической массы людей, способных трансформировать свою сущность. Это хорошо показал Ж. Бодрийяр в “Обществе потребления”, где подверг иронической критике попытку обуздать потребительство.

К сожалению, в работе остался открытым и вопрос о том, представители какого же класса и при каких исторических обстоятельствах могут выступить в качестве движущей силы отрицания капитализма и революционной смены собственности?

Третья глава книги **“Модели и реалии “постсоциалистического” общества”** посвящена анализу теорий постсоциалистического развития; обоснованию моделей западного общества и экстраполяции их на Восток; обобщению опыта трансформационных процессов.

Совершенно очевидно, что распад Советского Союза поставил перед учёными, прежде всего экономистами, социологами и политологами сверхсложную задачу – концептуализировать наиболее оптимальную модель дальнейшего развития постсоветских республик. Как отмечает автор, в научной литературе сложились два крайних подхода к определению содержания “постсоциализма” – “мягкие” модели синтеза (конвергенции) основополагающих принципов рыночной (капиталистической) системы с некоторыми социальными принципами коммунистического общества, которые рассчитаны на эволюционные механизмы реализации и “жёсткие”

модели подчинения поверженного социализма капиталистической модели развития, которые предполагают “форсированные темпы и политический диктат”. Казалось бы, что наиболее подходящей идеей для конструирования оптимальной модели является *синтез представленных подходов*, поскольку он позволяет учесть и достоинства и недостатки одного и другого. Но учёный не соглашается с этой идеей, поскольку, во-первых, “политические или идейные компромиссы не практике никогда не приводили к образованию “синтетических” обществ или “общество-гибридов” и, во-вторых, “синтезирование” есть по существу тот диалектический процесс, в котором “снятие” происходит эволюционно-революционным способом, а не односторонне эволюционным, “спокойно-любезным путём”. Поэтому, представив в кратком изложении содержание теорий конвергенции (конвергенция как становление “интегрального” или “синтетического” типа общества (“общества-гибрида”)); как движение к принципиально новому обществу на базе ожидаемых и вероятных технико-технологических изменений в капиталистическом и социалистическом производстве; как ассимиляция одного типа обществом другим; как плодотворное сотрудничество и взаимодействие капитализма с социализмом) и выразив к каждой из них своё отношение, Евгений Иванович приходит к выводу о необходимости поиска *нового синтеза*, который уже не будет “сопряжён с попятными движениями, с возникновением разного рода социально-экономических суррогатов”. Наиболее перспективными “политическими ориентациями, сочетающими интересы определённого “социального пространства” с социально-классовыми (социально-статусными) интересами для него являются следующие: ориентация на вхождение, форсированное или медленное, новоявленных “постсоциалистических” стран в буржуазное сообщество (интеграция в капиталистическую систему); ориентация на независимое национально-государственное развитие, на национальный или “патриотический” капитализм; ориентация на ту или иную модель трансформации постсоциализма (построение или “воссоздание” социалистического общества национально-патриотического толка и наконец, ориентация на обновлённый социализм с имманентными ему интернациональными принципами. Нетрудно догадаться, что симпатии учёного отданы последней политической ориентации. Возникает вопрос: какие ориентации выбрало украинское общество? Анализируя четыре модели “рыночной экономики” (классическую либеральную, неолиберальную, монетаристскую и модель “шоковой терапии”), Евгений Иванович с грустью констатирует, что “какими бы эпитетами ни награждали запущенную в экономику Украины модель – неолиберальная или неокейнсианская, – по существу речь идёт о *модели зависимого развития* (зависимого по своей объективной роли), с умыслом или без умысла инъецированной в нашу хозяйственную жизнь... и пятнадцатилетняя история реформационных попыток воочию доказала это”. К сожалению, с этим нельзя не согласиться. Далее, систематизируя состояние и особенности социально-

экономического процесса в Украине, прослеживая его причинно-следственные связи и сопоставляя их с логико-исторической схемой дивергентно-конвергентного характера развития человечества, Е. Суименко (заметим, впервые в отечественной научной мысли!) составляет гипотетическую картину современного состояния Украины, определив его как *инволюционная конвергенция*. В чём же состоит её специфика? По мнению исследователя, в том, что она проявляется в “двухвариантном виде, когда в одном случае системообразующую роль выполняет либеральный неоконсерватизм, а в другом – модернизированный феодализм”, то есть в ней сходятся “худшие черты капитализма, как бы реконструирующие нонэватический период его “дикой свободы” с худшими чертами социализма, воспроизводящими феодально-бюрократические отношения внеэкономического принуждения”. Украинский вариант инволюционной конвергенции с попеременной сменой капитализированного феодализма с имманентной ему формулой “власть – деньги – власть” и феодализированного капитализма по формуле “деньги – власть – деньги” в конце концов, выразился в доминировании последнего. Что же касается *выбора дальнейшего пути развития*, то наиболее приемлемым для автора книги является, *не социализированный капитализм, а капитализированный социализм*, фундамент которого успешно заложен в современном Китае и в единственной постсоветской республике – Беларуси.

Можно было бы согласиться с предложением Е. Суименко о том, что капитализированный социализм имеет свою позитивную направленность, но возникает очередное “но”: кто в Украине это может и будет осуществлять? Сторонников этой идеи, пока в нашем обществе крайне мало. Можно говорить о новом утопизме, идея которого никогда не иссякнет, ведь, сколько существуют обществоведческие науки, столько же времени существуют и утопические теории. То есть, как нам представляется, некоторые тезисы учёного о построении нового социализма в данный исторический период носят утопический характер и недостаточно согласуются со свойствами основного субъекта истории – человека.

Четвёртая, последняя глава книги посвящена особенностям развития Украины в постсоветском пространстве и времени, в частности рассматривается эффект идеологического отката и метаморфозы рыночной политики; анализируются роль предпринимательской деятельности и особенности отношений собственности; характеризуется самочувствие населения и объективные реалии относительно социально-классовой структуры общества.

Отмечая с сожалением, что в Украине после распада Советского Союза произошёл “*идеологический откат* от социалистических ценностей к ценностям капиталистическим”, и обосновывая его причины и последствия, Е. Суименко откровенно высказывает свою приверженность к идее обновлённого социализма – “*социализма нового уровня*,”

обогащённого завоеваниями и приобретениями капиталистической цивилизации” (курсив наш – А.Л) [с.421]. Эта идея впервые была озвучена Е. Суименко ещё в 1998 г. в статье: “В какой Украине мы живём? Ещё одна версия сущности “трансформации”¹. Прошло 12 лет, ситуация в Украине мало чем изменилась, а идея социализма, к большому сожалению, вообще перестала быть дискуссионной в украинском научном сообществе.

Очевидно, что одним из наибольших приобретений капиталистической цивилизации есть предпринимательство как прагматически ориентированная деятельность по экономическим нововведениям. Неслучайно Е. Суименко акцентирует своё внимание на особенностях его становления в новейшей истории Украины, выделяя три этапа его развития: теневое предпринимательство – советский период (1970–1980-е гг.); полулегальное (вторая половина 1980-х гг.) и легитимное, обеспеченное правовыми гарантиями и государственной поддержкой (с 1991 г.), – отмечает, что “весь ход экономических реформ” засвидетельствовал, что панацея предпринимательской активности в них не сработала”. А “соревнование между “цивилизованным”, созидательным и криминальным, деструктивным предпринимательством закончилось победой последнего”. Способствовало этому и “реформирование” отношений собственности, в результате которого в Украине произошла “противоречащая здравому смыслу и историческим закономерностям тотальная приватизация общественной трудовой собственности”, которую Е. Суименко прямо называет “разграблением”, после которого началось “интенсивное перераспределение уже присвоенных богатств с колоссальной утечкой их в страны Запада, за пределы национальной экономики. В результате наиболее “типичным структурообразующим элементом социальной жизни общества становится кланово-корпоративная группа – объединение людей по способу и характеру их специализированной деятельности с целью самовыживания или преуспевания”.

На основе углубленного анализа социальной структуры украинского общества автор выделяет такие её особенности: она не соответствует классическим образцам капиталистических стран; носит хаотичный, хрупкий характер, имеет неопределённые и размытые социально-классовые образования (*теневые или полулегальные группы крупных капиталистов; группы маловлиятельных средних и мелких собственников частных и приватизированных предприятий; пролетаризированную полубезработную массу рабочих и служащих предприятий государственного сектора; материально обеспеченный слой наёмных работников частных и приватизированных предприятий; размытый и социально разнородный слой интеллигенции; обезземеленное, искусственно разобщенное и технически разоруженное крестьянство*), большинство из которых осуществляет свою деятельность посредством мелких корпоративных групп, что затрудняет их консолидацию по классовому

¹ См.: Социология: теория, методы, маркетинг. – 1998. – № 6. – С.176–194.

признаку. Нужно отдать должное учёному в том, что от его внимательного взгляда не скрылись главные негативные тенденции, которые имеют место в современном украинском обществе. Но если согласиться с предложенной характеристикой, то Украина – это гибнущее общество. Эта мысль, озвученная профессором С. Катаевым на I Конгрессе социологов Украины, была встречена негативно². Социологи в массе своей не согласны с тем, что Украина гибнет. Да, негативные тенденции есть, но ни не поглощают абсолютно весь социум, остаются некие анклавов его воспроизводства. Пока нет убедительного теоретического обоснования сущности тех компенсаторных процессов, благодаря которым Украина все же сохраняет свою жизнеспособность, несмотря на эсхатологические прогнозы.

В целом же работа Е. Суименко “Капитализм в нашем доме. Взгляд сквозь призму теории и социальной эмпирии” чрезвычайно интересна и профессиональна, она насыщена новизной, пронизана многообразием научных идей, которые не только не устаревают со временем, а, наоборот, с каждым годом становятся всё актуальнее и полемичнее, всё востребованнее научным сообществом для понимания сущности тех процессов, которые разворачиваются в современном мире, в частности в Украине. Можно смело сказать, что это новое, углубленное прочтение марксистской социологии, более того, это её продолжение, её заново и объективно переосмысленная интерпретация. В известной нам научной литературе, как правило, раскрывались и активно дискутировались те идеи К. Маркса, которые касались макроэкономических процессов и явлений, то есть марксизм рассматривался исключительно как макросоциологическая теория, индивидуалистическая же компонента (микроуровень социальных отношений) оставалась за пределами научного осмысления. Более того, как нам известно, никто из украинских социологов, кроме Е. Суименко и И. Поповой³ не пытался в последнее десятилетие переосмысливать и экстраполировать марксистские идеи на современную действительность. Между тем российские и западноевропейские учёные всё чаще и чаще обращаются к марксизму, пытаясь беспристрастно отделить в нём “зёрна от плевел”.

Исключительную ценность представляет то, что “возвращение” Е. Суименко к марксизму происходит, прежде всего, в направлении его критики и дополнения теоретико-методологической классики новыми привнесениями. И, благодаря этому “возвращению”, учёный даёт утвердительный ответ на один из самых важных вопросов: какой капитализм пришёл в наш дом? По его мнению, это “*исторически*

² См.: Катаев С. Украина как гибнущее общество: социологический аспект / С. Катаев // Соціологія в ситуації соціальних невизначеностей: тези доповідей учасників I Конгресу Соціологічної асоціації України. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – С. 46.

³ См.: Попова И. Судьба одной социологической парадигмы (к 120-летию со дня смерти К. Маркса) / И. Попова // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 2. – С. 131–148.

побочный или “запоздалый” капитализм, который, по распоряжению истории, выполняет в большей мере не функцию *экономического* роста и развития, а функцию создания и накопления “человеческого капитала”, то есть функцию *социального порядка*”. Сможет ли украинское общество раскрыть и реализовать его созидательные возможности или выберет новый путь своего развития – капитализированный социализм или останется в путях феодализованного капитализма, а значит, на обочине цивилизационного развития – покажет будущее.